

Нюрнберг

ГУСТАВ МАРК ГИЛБЕРТ

НЮРНБЕРГСКИЙ
ПРОЦЕСС
ГЛАЗАМИ
ПСИХОЛОГА

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА
2025

УДК 82-94
ББК 84(4)-44
Г 47

Гилберт Г. М.

Г 47 Нюрнбергский процесс глазами психолога / Г.М. Гилберт. — М.: Родина, 2025. — 480 с. — (Нюрнберг).

ISBN 978-5-00222-838-6

«Мы ведь просто выполняли приказы, за что нас судят?» — вопрошали если не все, но многие участники самого громкого судебного процесса в истории. Что творилось в душах тех, кто уничтожил миллионы человеческих жизней, организовал «лагеря смерти» и устроил холокост? Были ли эти люди чудовищами? Ответы на эти и другие вопросы на страницах этой книги.

Автор — доктор психологии Густав Гилберт, участвовал в работе Международного военного трибунала в Нюрнберге. С момента предъявления обвинения и вплоть до приведения приговора в исполнение ему был обеспечен свободный доступ к обвиняемым. Он неоднократно беседовал с главными нацистскими преступниками. На основании личных впечатлений и материалов психологических тестов американский ученый дает безжалостную характеристику моральному облику лидеров Третьего рейха и всему нацистскому режиму.

УДК 82-94
ББК 84(4)-44

© Гилберт Г.М., 2025

© Уткин А. Л., пер. с англ., 2025

ISBN 978-5-00222-838-6

© ООО «Издательство Родина», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Обвиняемы	6
Реакция на предъявленное обвинение	7
Самоубийство Роберта Лея	10
Юлиус Штрейхер	12
Рудольф Гесс	14
Герман Геринг	15
Йоахим фон Риббентроп	20
Яльмар Шахт	21
Ганс Франк	24
Бальдур фон Ширах	27
Альберт Шпеер	29
Вильгельм Кейтель	30
Альфред Йодль	33
Франц фон Папен	34
Психологические тесты	35

Дневник процесса 1945–1946 гг.

Открытие процесса. Англо-американское обвинение	38
Обвинение Франции	133
Советское обвинение	146
Заключительные речи	442
Послесловие	471

ВВЕДЕНИЕ

ОБВИНЯЕМЫЕ

20 октября 1945 года, то есть в тот день, когда Международный военный трибунал предъявил обвинение 23 главным военным преступникам, я прибыл в Нюрнберг с первой партией военнопленных. Являясь офицером военной разведки, владевшим немецким языком, я своими глазами видел доказательства варварских преступлений нацистов на примере концентрационных лагерей, таких, как Дахау, еще задолго до дня капитуляции. Как психолога меня в первую очередь интересовало выяснить, что же побуждало людей к вступлению в ряды нацистов и на их деяния.

Через допросы военнопленных и беседы с представителями гражданского населения Германии мне это выяснить так и не удалось. Объяснение почти всегда было одним и тем же — мы, дескать, люди маленькие, слепо выполнявшие приказ своего фюрера и тех, кто ниже, которые их впоследствии предали. И вот теперь мне предстояло увидеть некоторых из пресловутых фюреров в следственной тюрьме Нюрнберга, города, куда я мечтал попасть. Мне повезло — я получил возможность заменить переводчика коменданта тюрьмы, после чего был назначен психологом-экспертом на весь период ведения судебного процесса.

Моя основная задача состояла в ежедневных контактах с заключенными и информировании об их душевном состоянии и настроениях коменданта тюрьмы полковника Андруса, а также в участии в подготовке предстоявшего судебного процесса. Моя работа осуществлялась совместно с тюремным психологом, равно как и различными комиссиями психиатров-экспертов*. С момента предъявления обвинения и вплоть до приведения приговора в исполнение мне был обеспечен свободный доступ к обвиняемым. Это позволило мне в тече-

* Вначале функции эксперта-психолога были возложены на майора Дугласа М. Келли, которого месяц спустя после начала процесса и практически до его завершения заменил майор Леон М. Гольдензон. Капитан Ричард Уортингтон и подполковник У. Данн также в течение короткого периода исполняли вышеупомянутые функции.

ние годичного периода изучить их поведенческую реакцию в контролируемых условиях. Вся методика заключалась в непринужденных беседах с глазу на глаз. В присутствии заключенных я никогда не позволял себе делать какие-либо записи, однако содержание этих бесед и наблюдений тщательно фиксировалось мною позже: покинув камеру или столовую, я тотчас же садился за свои записи, впоследствии превратившиеся в дневник, который послужил первоосновой предлагаемого вниманию читателя исследования.

Как нетрудно догадаться, чаще всего в беседах с бывшими нацистами звучали всякого рода отговорки, общие фразы, целью которых было самооправдание и взаимные обвинения. Именно их яростные протесты, именно их куда более критичный настрой по отношению к другим своим поделщикам, нежели к себе самому, как нельзя лучше раскрывают их характеры и мотивации. Обвиняемые действительно проявили себя весьма словоохотливыми собеседниками, оказавшись в обществе психолога, единственного (за исключением лиц духовного сана) из офицеров американской армии, свободно владевшего немецким. В своих записях я намеренно избегал добавлять к приводимым ими фактам всякого рода психологические умозаключения, оставив эту часть для будущего исследования, куда более объемного и объективного.

В течение месячного срока между предъявлением обвинения и началом процесса нацистские вожди располагались в одиночных камерах. Я использовал это время для установления более близких контактов с ними, описания их реакции на предъявленное обвинение и проведения психологического тестирования, что вносило некоторое разнообразие в их унылый быт, основанный на полной изолированности, а для меня обеспечивало возможность познакомиться с каждым в отдельности обвиняемым. Материал, повествующий о событиях этого месяца, подан в данной вводной главе свободно и вне каких-либо хронологических рамок.

РЕАКЦИЯ НА ПРЕДЪЯВЛЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ

Их реакции выкристаллизовались довольно скоро. Каждый из обвиняемых по моей просьбе должен был снабдить текст предъявленного ему обвинения собственными комментариями на полях. Их спонтанные высказывания, приведенные ниже:

Герман Геринг, рейхсмаршал и имперский министр авиации, имперский президент, ответственный за осуществление четырехлетнего плана и пр., поместил свой излюбленный циничный тезис: «Победитель — всегда судья, а побежденный — обвиняемый!»

Йоахим фон Риббентроп, имперский министр иностранных дел, ограничился уклончивым заявлением: «Обвинение предъявлено не тем людям». И устно добавил: «Мы все были тенью Гитлера», однако в письменном виде эту мысль отразить воздержался.

Рудольф Гесс, пребывавший с момента своего нашествие прибытия в Англию в состоянии полного беспамятства, написал лишь следующее: «I can't remember» («Не помню» (*англ.*). — *Прим. перев.*).

Эрнст Кальтербруннер, начальник гиммлеровского РСХА (Главного управления имперской безопасности), заявил о своей формальной невинности: «Я не несу никакой ответственности за военные преступления, я лишь выполнял свой долг, как руководитель разведывательных органов, и отказываюсь служить здесь неким эрзацем Гиммлера».

Альфред Розенберг, ведущий нацистский философ и имперский министр по делам оккупированных восточных территорий, также заявил о своей невинности: «Я отвергаю обвинение в «заговоре». Антисемитизм являлся лишь необходимой оборонительной мерой».

Ганс Франк, гитлеровский прокурор, а впоследствии генерал-губернатор оккупировать польских территорий, изложил в письменном виде свою точку зрения религиозно-неофита: «Я рассматриваю данный процесс, как угодный Богу высший суд, призванный разобраться в ужасном периоде правления Адольфа Гитлера и завершить его».

Вильгельм Фрик, имперский министр внутренних дел, дал изворотливый и юридически грамотный комментарий: «Все обвинение основано на предположении об участии в заговоре».

Фриц Заухель, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы на период осуществления четырехлетнего плана, столкнулся с известными трудностями, пытаясь увязать свою любовь к рабочему люду с предъявленным ему обвинением: «Пропасть между идеалом социалистического общества, вынашиваемым и защищаемым мною, в прошлом моряком и рабочим, и этими ужасными событиями — концентрационными лагерями — глубоко потрясла меня».

Альберт Шнейер, имперский министр вооружения и боеприпасов, без обиняков переложил вину на нацистский режим: «Процесс необходим. Даже авторитарное государство не снимает ответственности с каждого в отдельности за содеянные ужасные преступления».

Яльмар Шахт, президент Имперского Немецкого банка и в довоенный период имперский министр экономики, заявил следующее: «Я вообще не понимаю, почему мне предъявлено обвинение».

Вальтер Функ, имперский министр экономики после Шахта, был более словоохотлив и эмоционален, обосновывая свою невиновность: «Никогда в жизни я ни сознательно, ни по неведению не предпринимал ничего, что давало бы основания для подобных обвинений. Если я по неведению или вследствие заблуждений и совершил деяния, перечисленные в обвинительном заключении, то следует рассматривать мою вину в ракурсе моей личной трагедии, но не как преступление».

Франц фон Папен, рейхсканцлер Германии до Гитлера и посланник в Австрии и Турции в период гитлеровского правления, не скупился на фразы в попытке отгородиться от причастности к нацизму: «Обвинение ужаснуло меня, первое, осознанием безответственности, в результате которой Германия оказалась ввергнута в эту войну, обернувшуюся мировой катастрофой, и, второе, теми преступлениями, которые были совершены некоторыми из моих соотечественников. Последние необъяснимы с психологической точки зрения. Мне кажется, во всем виноваты годы безбожия и тоталитаризма. Именно они и превратили Гитлера в патологического лжеца».

Барон фон Нейрат, в первые годы нацистского режима имперский министр иностранных дел, а впоследствии имперский наместник в протекторате Богемии и Моравии, выхватил один из пунктов нацистского беззакония: «Я всегда был против обвинений без возможности защиты».

Бальдур фон Ширах, имперский вождь молодежи и гауляйтер Вены, хоть и с запозданием, но все же пришел к искреннему прозрению: «Все беды — от расовой политики».

Артур Зейсс-Инкварт, федеральный канцлер Австрии, впоследствии имперский комиссар оккупированной Голландии, не удосужился опровергать свою вину, а с холодным фатализмом написал следующее: «Хочется надеяться, что это — последний акт трагедии Второй мировой войны!»

Юлиус Штрейхер, нацистский обер-убийца евреев, главный редактор журнала «Дер штюрмер» и гауляйтер Франко-

нии, не скрывал своей одержимости даже в преддверии процесса: «Этот процесс — триумф мирового еврейства».

Фельдмаршал Кейтель, стоявший во главе вермахта, дал типичный для офицера-пруссака ответ: «Приказ для солдата — есть всегда приказ!»

Генерал Йодль, начальник штаба оперативного руководства ОКВ* (верховного командования вооруженных сил), воспринимал предъявленное ему обвинение со смешанными чувствами: «Вызывает сожаление смесь справедливых обвинений и политической пропаганды».

Гросс-адмирал Дёниц, командующий военно-морскими силами Германии и преемник Гитлера после самоубийства последнего, предпринял попытку отместить предъявленное ему обвинение, как изначально не имеющее к нему отношения: «Ни один из пунктов данного обвинения ни в малейшей степени не имеет ко мне отношения. — Выдумки американцев!»

Ганс Фриче, руководитель радиовещания и отдела печати в геббельсовском имперском министерстве пропаганды, считал своим долгом говорить от имени немецкого народа: «Это ужасное обвинение всех времен. Ужаснее может быть лишь одно: грядущее обвинение, которое предъявит нам немецкий народ за злоупотребление его идеализмом».

Записанные от руки ответы адмирала Редера и Роберта Лея здесь отсутствуют. Адмирал Редер, доставленный в нюрнбергскую камеру прямо из советского плена, отказался как от устных, так и от письменных высказываний. Эксцентричный и неуравновешенный вождь Германского трудового фронта Роберт Лей дал внятный и решительный ответ на предъявленное ему, как военному преступнику, обвинение сведением счетов с жизнью.

САМОУБИЙСТВО РОБЕРТА ЛЕЯ

Вместе с судебным психиатром мы посетили Роберта Лея в его камере за день до его самоубийства. Он был в крайне возбужденном состоянии, беспрестанно ходил взад и вперед по камере. Он, как и некоторые другие заключенные, был одет в американскую форменную блузу, на ногах — войлочные шлепанцы. На вопрос, как он думает организовать свою защиту в ответ на выдвинутое против него обвинение, он разразился целой тирадой:

* ОКВ — верховное командование гитлеровских вооруженных сил.